

МЕРНОЕ течение зрителей мимо картин, скульптур, керамики где-то нарушалось, сгущаясь, разряжаясь, и лишь в одном месте резко стопорилось. Это был стенд с фотографиями. Среди живописи фотографии всегда выделяются. Но это были особенные, это были портреты, многим ленинградцам знакомые, портреты молодых художников. То есть теперь уже немолодых. Молодые они были в семидесятых, когда мы устремились на их выставки. Очереди выстраивались то у одного Дома культуры, то у другого. Очереди нетерпеливые, возбужденные, потому что выставки длились недолго — несколько дней, а то и несколько часов, — их запрещали, закрывали. Выставки устраивали на дому, на чердаках — за них преследовали, посещали их с опаской... Знакомые лица, знакомые имена, картины их тогда вызывали яростные споры — Тюльпанов, Арефьев, Путилин, Некрасов... Десятка два художников, один другого интереснее, появились в те годы. А потом как-то сразу исчезли, куда-то пропали. Ходили слухи, что уехали, или повысылали их. Самобытные, яркие таланты их не могли затеряться, но работы их больше не встречались. И вот теперь читаю под фотографией короткие справки: оказывается, и впрямь почти все они уехали за рубеж, у некоторых есть перечни их выставок по разным странам.

Ныне, на выставке в ленинградском Манеже, вспомнили своих земляков. Не всех, хотя бы часть вспомнили, и то хорошо. Наконец-то они попали сюда, в этот главный выставочный зал города. Спустя пятнадцать лет, кто картинами, кто фотографиями, но все же попали — и за это великое спасибо организаторам выставки в ленинградском Манеже.

Как много, однако, их покинуло Родину, слава богу, что не сгинули, не погибли, что хоть там пишут, действуют. Мы лишились — Запад приобрел.

Выставка в Манеже сейчас заполнена именами новых художников, новых групп: «Остров», «Митьки», «Старый город»... Можно было бы утешиться, что свято место пусто не бывает. Но, к сожалению, место талантливого художника никто не займет, в памяти возникают полотна тех уехавших, изгнанных, и сразу среди плотной экспозиции появляются зияющие пустоты, черные дыры, откуда веет печалью ненужных обидных утрат.

С Олегом Александровичем Цингером я познакомился давно, заочно, через Тимофеева-Ресовского. Ныне, попав в Париж, решил посетить его. Живет он в пригороде Парижа, в

Гарше. Дорогой вспоминались письма, которые Цингер писал Тимофееву-Ресовскому в Советский Союз, письма, иллюстрированные миниатюрными акварельными рисунками диковинных животных зоологических садов, аквариумов, парков, где разгуливают фламинго, эму и другие экзотические птицы. Цингер — художник-анималист, ученик Ватагина, и, судя по этим рисункам, достойный ученик. Когда я начал работать над «Зубром», Цингер присылал мне одно за

другим воспоминания о своем друге. Писал он щедро, а главное, живо, с юмором, с множеством точных ярких деталей из берлинской жизни тридцатых — сороковых годов.

Память бывает не только хорошей, крепкой, но еще и талантливой. Цингер обладал удивительно талантливой памятью, которая сохраняла с тщательным отбором самые сочные, выразительные подробности прожитых лет. Они появлялись перед ним из полувековой дали в красках, звуках, смешные и свежие. Переписка наша продолжалась несколько лет, и вот наконец мы свиделись. Это был, несмотря на возраст, совершенно молодой, подтянутый, элегантный человек, полный энергии, превосходный рассказчик, ироничный и к себе, и к другим. Дом был полон картин, фотографий — старых, совсем старинных, связанных с памятью отца, автора знаменитого учебника физики, да и всего этого семейства известных русских ученых — математиков, астрономов, ботаников, да еще по линии матери связанных с театральной Россией, с МХАТом... Тут же он сделал мне дивный подарок: фотографию своего отца с Л. Н. Толстым. Фотографию малоизвестную, возможно, неопубликованную.

Русский язык его безупречен. Впрочем, так же, как и немецкий и французский. Уехали они из России в двадцатье годы и остались за границей. Олег Александрович не стал ни французом, ни немцем, он чтит свои корни, любит родину, но, видимо, давно уже не чувствует себя эмигрантом. Было когда-то желание съездить в Москву, в Питер, было, да с годами отмерло, потому как тянуло от родных мест и холодом, и враждебностью. Визы не

получить было, не добиться. Теперь уж и возраст, и здоровье не позволяют. Таких русских и в старой эмиграции, и в новой встречал я немало. Наверное, нет ничего противоестественней, нежели, чем невозможность для человека посетить родных, места своего детства, юности...

Мне приходилось писать, как много дала европейской и мировой культуре та первая русская эмиграция. Она так называется — русская, а включила

зательно разоблачил он методы борьбы Лысенко, так же, как и последующую его публицистику. Затем его посадили в психиатрическую больницу, и только энергичные протесты ученых во главе с П. Л. Капицей, писателей во главе с А. Т. Твардовским позволили освободить его оттуда. Вскоре после этого его заставили уехать за рубеж. Насильно был вывезен из страны А. И. Солженицын. Также насильно вытолкнули поэта И. Бродского, писателей В. Не-

расова, В. Аксенова, А. Синявского.

Применяли разные методы, чтобы избавиться от инакомыслящих, от несогласных. Создавали невыносимые условия на работе, запрещали фильмы, спектакли, не давали печататься, увольняли, художникам не давали выступать, не давали работать. Выезжая за рубеж, люди оставались там, становились «невозвращенцами», их немедленно причисляли к изменникам, перебежчикам, шельмовам, клеимы — не только их, доставалось и родственникам, которые оставались здесь.

Тарковский, Юрий Любимов, Михаил Барышников, Олег Целков, Мстислав Ростропович, Андрей Волконский, Галина Вишневская, Нуриев, Макарова... Списки росли, ширились, и ни чиновников культуры, ни чиновников партийных органов не интересовали причины, по которым все эти, такие разные люди ломают свою жизнь, остаются на чужбине, покидают друзей, родных, налаженный быт... Не хотели задумываться и другим не давали. Вместо этого — так было проще и удобнее — объявляли, что уехали одуроченные западной пропагандой, потому что прельстились легкой жизнью, большими деньгами, что на самом деле они формалисты, творчески бесплодные... Какие только ярлыки ни клеили!

Горестные перечни потерь нашей культуры и науки велики. Нас уверяли, что на Западе все они гибнут, прозябают, никому не нужны, что это потеря не для нас, а для них. Кто-то наверняка там, на Западе, прозябает. Разумеется, покинув Родину, страдали, бедствовали — не так-то просто приспособиться к чужой жизни, к чужим нравам. Со временем, однако, как-то пообустроились, одни лучше, другие хуже. Таланты

нашли себя, их нашли. Таланты нигде никогда не бывают в избытке. Это мы считаем, что у нас всего вдоволь, труси-помахаивай...

За эти годы Михаил Барышников стал суперзвездой, преуспел художники — и Михаил Шемякин, и скульптор Эрнст Неизвестный, не говоря уж о Тарковском, о Ростроповиче. Нет, не затерялись наши отечественные таланты, много они сделали и делают, и некоторые из них, несмотря ни на что, делают

во славу русской культуры. Вот передо мною книга В. Ходасевича «Белый коридор» (воспоминания), выпущенная издательством «Серебряный век» в 1982 году с надписью: «Эта книга издана при содействии фонда Михаила Барышникова». Фондом изданы и другие книги русского наследия, неизвестного или малоизвестного нам. Ефим Эткинд организовал перевод на французский язык собраний сочинений Пушкина, Лермонтова, создание четырехтомника истории русской поэзии. Можно назвать и другие фонды, другие издания, выставки русской живописи, организованные эмигрантами.

С эмигрантами поступали незаконно, к этому я, собственно говоря, и веду. Я, конечно, прекрасно помню, что были на сей счет решения Президиума Верховного Совета СССР, но никто и никогда не сможет удержать цивилизованный мир в том, что можно на законных основаниях лишить человека Родины только за то, что он думает иначе, чем сегодня предписано. А потому сопровождавшие высылку «законные» решения — незаконны. Лишая гражданства тех, кто вроде бы законно выезжал из страны, не приводили при этом никаких мотивировок, не затрудняли себя причинами. Никаких преступлений против своей страны эти уехавшие не совершали, лишение гражданства происходило с нарушением основных прав человека.

И если ныне мы восстанавливаем одно за другим права человека, освобождаем историю от несправедливых обвинений, восстанавливаем в партии когда-то репрессированных, реабилитируем незаконно осужденных, то тем более следует восстановить законность и справедливость к живым. Восстановить

отнятое у них советское гражданство. Могут возразить, что они в этом не нуждаются, этого не просят. Мы нуждаемся, наше правовое сознание, законность, которую мы утверждаем. Сегодня-то мы можем быть духовно достаточно широки, достаточно милосердны, чтобы не подчитывать взаимные претензии.

Речь идет не только об известных, прославленных. В эмиграции много рядовых специалистов: техников, промышленников, врачей, физиков, которых постигла та же участь, но безвестно.

Конечно, эмиграция весьма разнородна. Есть в ней группы, непримиримые к нашему обществу, есть монархисты, завязые антисоветчики, фашиствующие, есть организации, занятые деятельностью, явно враждебной.

Есть, однако, довольно значительная часть людей, которые, несмотря на все обиды и несправедливость, делали и делают немало для нашей культуры. С начала семидесятых годов издательство Ардис стало широко издавать одну за другой на русском языке книги В. Набокова, опубликовав, в сущности, почти полное собрание его сочинений. Украшенные эмблемой почтовой кареты, книги Ардис позволяли многим годам знакомиться с творчеством этого замечательного мастера русской прозы. И сегодня наши журналы, публикуя Набокова, пользуются книгами издательства Ардис. Оно же публиковало стихи И. Бродского, романы С. Соколова, А. Платонова — всего не перечить. Деятельность добросовестных зарубежных издательств позволила уберечь литературное наследие ряда русских писателей, философов, историков, эссеистов за рубежом. Впервые собрания сочинений Цветаевой, Ахматовой, Пастернака, Мандельштама, Булгакова были выпущены за рубежом. Книги эти ходили по рукам, из дома в дом, их перепечатавали, ксерокопировали, так или иначе они поддерживали огонь в очаге.

Когда-нибудь история нашей культуры отдаст должное этим маленьким непрочным издательствам, их труженикам, объективно они проделали важную, порой неоченимую работу собирательства.

Специалисты, наверное, могут сказать добрые слова о русских школах балета за рубежом, о музыкантах, которые много сделали и делают для пропаганды советской музыки, русских классики. Можно привести немало фактов, заставляющих ныне пересмотреть прежнее отношение к эмиграции. В конце концов среди них есть и те, кто, не желая мириться, опровергали ложь, выпускали

«самиздат» с теми самыми документами, воспоминаниями, которые сегодня издаются массовыми тиражами. Это было то инакомыслие, которое очищало мозги, пробуждало, рыхлило почву для нового мышления.

Последнее время в разных интервью с эмигрантами раздавались вопросы: не собираетесь ли вы вернуться на Родину? Вопрос так настойчиво повторялся, словно желание вернуться чем-то утешает нас. И, как правило, ответы звучали уклончивые, а то и отрицательные. Несмотря на большой интерес к перестройке, к переменам в нашей жизни, эмигранты, с которыми мне пришлось говорить на эту тему, не видят, чтобы у нас существенно изменилось отношение к эмиграции. Ни в нашей пропаганде, ни в законодательной политике. Между тем становится все очевиднее, сколько мы теряем на этом.

Еще в 1987 году, будучи в Китае, мы увидели, какими преимущественными условиями пользуются китайские эмигранты. Для них существуют специальные отели, им предоставляют лучшие номера, обеспечивают льготы. Их всячески приглашают в университеты, приглашают вкладывать капиталы в китайские предприятия. Почему наша русская эмиграция не может пользоваться хотя бы нашим гостеприимством? Почему бы всячески не облегчить им оформление поездок, не создать какие-то льготы в гостиницах, помочь в поездках по стране? Почему бы не приглашать русских ученых, работающих в зарубежных университетах, лабораториях, для чтения лекций? Эмигранты, специалисты в самых разных областях — медицины, технологии могли бы много сделать для своего Отечества и наверняка охотно поняли бы это, если бы встретили непредвзятое отношение к себе. Речь идет об отношении правительственных учреждений, о соответствующих законодательных актах. Многолетняя политика дискриминации породила и ответную реакцию. Но, думается, нет смысла сводить счёты, перечислять взаимные претензии. Сила нового мышления в приоритете общечеловеческих ценностей. Распахнуть двери когда-то изгнанным, тем, кто стал чужим против своей воли, протянуть им руку — это можно считать великодушным, но куда вернее считать долгом. Как бы там ни было, большинство из них, независимо от нынешних взглядов, в глубине души продолжают ощущать свою кровную связь с Родиной, со своим детством и юностью. Право на эту связь не милость, она — право каждого человека: право быть соотечественником, а не эмигрантом.

СВОИ «ЧУЖИЕ»

Даниил ГРАНИН